

А международная обстановка все более накалялась. В железнодорожном парке приезжий лектор сослался на заявление ТАСС от 14 июня 1941 года, где говорилось, что, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы. Молодой железнодорожник, невесть откуда у нас взявшийся, дотошно доказывал лектору, что немцы действительно гонят войска к нашим границам, нарушают их на суше и на море. Он сам был в тех краях и видел. Действительность в скором времени превзошла самые тревожные ожидания.

Экзамены прошли успешно. Мы стали готовиться к выпускному вечеру. Но 20 июня на Котельниково после полудня обрушился небывалый ливень. Он длился более четырех часов: потоки воды переполнили все овраги и канавы, ураганный ветер и гроза оборвали провода, разметали крыши, где-то на ферме убило доярку. Отрезанные потоками воды, более половины выпускников на вечер не пришли, в том числе все наши ребята из приаксайского угла.

Собравшиеся на другой день выпускники решили: продолжению вечера быть во что бы то ни стало. Но директор решил иначе: аттестаты получите позже в канцелярии. Ключи от комнаты, где стояла радиолоа, забрал с собой и ушел на Пленум райкома партии, полагая, что там мы его не достаем. В райком партии направили делегацию из трех человек, в том числе и меня. По нашей просьбе из зала заседания вызвали секретаря райкома партии Дьякова. Не без удивления оглядел нас, спросил, в чем дело? Кратко излагаю суть конфликта, прошу от имени выпускников помочь нормально, по-человечески проститься со школой. Мгновенно появился наш директор, будто ожидал за дверью. Дьяков сказал ему: «Дайте ребятам все, что они просят, пусть проводят свой вечер». В школе нас встретили одобрительным «ура!». Вторая половина вечера состоялась. Был на нем и Никон, прибывший из спецшколы на каникулы.

Вечер проходил хорошо, дружественно, душевно. Было немного грустно, никаких официальных речей, формальных поздравлений. Танцевали до упаду. Поиграли в давно забытые игры. Я смотрел на ребят и любовался парнями и девочками. Еще один выпуск нашей школы, шестой по счету, вливается в жизнь. Старшие классы, особенно 9-й и 10-й, очень много дали нам, ребята приобрели какую-то завершенность в смысле обретения знаний, навыков внешней культуры. Вспоминая самого того времени, я иногда думал, что никогда ни ранее, ни позднее я не ощущал себя так всесторонне подготовленным, как после окончания десятого класса: я все знал и все умел!

Хотелось думать обо всех нас. Да, мы наследники тех, кто совершил революцию, да, мы наследуем Советскую власть и должны ее улучшить, но для этого нужно выполнить завет Ленина — обогатить свою память всем тем богатством, которое накопило человечество. Мы рождены при Советской власти, нам предоставлены большие возможности, нас баловали. Мы можем стать тем поколением, которое, располагая широким объемом знаний, сможет осуществить переход от жестоких, часто военизированных форм и методов взаимоотношений, управления к более гибким, более совершенным, опирающимся на более высокую культуру.

Когда мы учились в старших классах, стал происходить поворот от голого социологизма к освоению патриотического сознания. Причем решительнее всего это проявилось в кино и в литературе. Такие фильмы, как «Александр Невский», «Петр Первый», «Богдан Хмельницкий», становились событиями. Ребята зачитывались книгами «Князь Серебряный»

А.К.Толстого, «Петр Первый» А.Толстого, «Кюхля», «Смерть Вазир-Мухтара», «Пушкин» Ю.Тынянова, «Чингис-Хан» В.Яна, «Емельян Пугачев» В.Шишкова, «Севастопольская страда» Сергеева-Ценского, «Порт-Артур» А.Степанова и др. Когда сейчас пытаются доказать, что поворот к патриотизму был сделан Сталиным лишь во время войны под воздействием стратегической необходимости, — забывают элементарные факты истории. Поворот к патриотизму начался уже в первой половине тридцатых годов.

Помнится, перед выпускным вечером у нас была вечеринка в мало знакомой мне компании — первая вечеринка с водкой. Когда мы пошли домой, среди уверений во взаимном уважении и дружбе Коля Лазуренко затеял серьезный разговор. Очень высокий парень, года три как правофланговый, и очень молчаливый в обыденной жизни. Он подошел ко мне вплотную, положил крепкую руку на мое плечо, чтобы я не отвлекался, стал говорить примерно следующее: может быть, ты думаешь, что мы не слишком разговорчивые и потому кажемся равнодушными к общественным делам? На самом деле, просто не приходилось, не было подходящего случая высказаться. Так вот сегодня я хочу тебе сказать, что мы любим нашу Родину и за нее готовы отдать все! Если надо жизнь отдать — жизнь тоже. Не сомневайся. А я и не сомневался. Хотя услышать такое для меня было важно.

Домой мы разошлись в пятом часу. Я сразу же повалился и заснул мертвым сном. В двенадцать меня разбудила всполошенным голосом мать: «Жора! Вставай! Молотов говорит! Война!» Я вскочил и побежал к соседям слушать Молотова.

В прифронтовом районе. В первые дни войны у меня еще теплились надежды: вот мы вам покажем! Но стремительное наступление немцев продолжалось, а наши войска оставили почти всю правобережную Украину, Смоленск, Минск, в осаде Ленинград, Одесса. Подумать только, совсем недавно смотрели документальный фильм «Борьба за Киев» о маневрах Красной Армии. Зрители бурно аплодировали блестящим действиям всех родов войск, восхищались их техническим оснащением. Где же теперь эти войска, эта техника, эти командиры? При таких темпах продвижения врага наш глубокий тыл, чего доброго, может вполне превратиться в прифронтовой район.

Начались проводы наших ребят на фронт: сразу ушли призывники 21, 22 и 23 годов рождения. С большой группой выпускников уезжал Евгений Моисеевич, — наш секретарь и любимец. Помню его сидящим у окна вагона, в больших темных глазах грустная улыбка. Шутит: через две недели ждите с победой. Но не вернулся ни тогда, ни позже. Известно, из

ребят 22—24 годов рождения с войны вернулись три-четыре процента. Сразу после выступления Молотова Мария и Валя побежали в военкомат проситься на фронт. Им сказали: заплетайте, девочки, косички, война обойдется без вашего милого участия. Увы, ошиблись: Мария оказалась в самом пекле Сталинградской битвы, как и многие котельниковские девочки. Вернулся в свою спецшколу и Никон.

Замещая отбывшего секретаря комитета комсомола школы, я был по горло занят множеством больших и малых дел. Организовали ночные дежурства в школе, участвовали в ночном патрулировании улиц города, встречали эвакуированных, а позже и раненых, многие девчата ушли работать в открывшиеся госпитали. Создали две концертных бригады, которые выступали в расположенных вокруг города воинских частях. А июль и август старшеклассники проработали на уборке в колхозах.

В начале сентября я стал работать в народном суде судебным исполнителем. Сюда я попал по собственной инициативе, после того как получил из Юридической школы извещение о том, что в связи с войной школа закрывается. Я зашел к народному судье, и оказалось, что у них есть вакантная должность. Через некоторое время Областное управление юстиции утвердило меня, и я приступил к работе, но проработал там недолго, особенно если учесть, что дважды отвлекался: на уборку урожая в колхоз, а затем на строительство противотанкового рва на внешнем обводе Сталинградских оборонительных сооружений. Наш участок располагался у станции Абганерово, примерно в 80 километрах южнее Сталинграда. Мощный ЧТЗ при помощи плуга поднимал пласты залежалой целины, а молодежь бросала землю по краям рва. Некоторые ребята скептически относились к сооружению этой «канавы»: ничего, дескать, не стоит танкам перескочить ее, достаточно срыть края или насыпать дамбу. Но скептики не учли, что тут расположатся войска. И как показали события в начале Сталинградской битвы, именно в районе Абганерово немцам не удалось с ходу прорваться к Сталинграду с юга, и задержка произошла надолго. Так что, надо полагать, пригодилась работа строителей, которую они проделали в октябре, а потом ее завершали еще саперные войска.

Вернулся я с рубежей 10-го ноября и застал предэвакуационную обстановку: дел никаких не слушалось, жгли архивы. Все зависело от судьбы Ростова, а его то сдавали, то вновь освобождали. По мере приближения фронта в городе разгорелись антишпионские страсти. Наши девочки рассказали однажды, как они поймали «целую машину шпионов». Подозрительных задержала комендатура, но «шпионы» скорее были похожи на дезертиров.

В это время мне сообщили из Саратова, что я зачислен студентом заочного отделения Юридического института. Летом — на сессию. Но до учебы ли сейчас? Мои друзья Николай Козлов, Ваня Мартынов и другие работают на железной дороге, кто слесарем, кто электросварщиком. Мария и Валя после окончания курсов медсестер пошли работать в госпиталь. Валя даже бросила учебу в десятом: потом закончу, если понадобится. Лариса училась в десятом. А в начале декабря стали известны первые большие радостные вести — разгром немцев под Москвой. Я и мои друзья ходили слегка ошалевшие. К тому же США вступили в войну на стороне Антигитлеровской коалиции. Даже скептики могли думать, что теперь перевес сил явно на нашей стороне.

Работа в суде меня кое-чему научила, особенно четкому оформлению финансовых документов, приоткрыла целую сферу человеческих отношений и правового регулирования их. Но рутинные операции с исполнительными листами, погоня за злостными неплательщиками алиментов на содержание детей — все это шло вразрез с моими наклонностями к живой организаторской работе. Мои настроения совпали с предложениями райкома комсомола, которые делались не впервые, перейти на комсомольскую работу. Речь шла о работе помощником начальника политотдела по комсомолу Котельниковской МТС.

Но пока дело это двигалось, нас постигло тяжелое горе — скоропостижно скончалась Валя Доценко. Я вбегаю к ним в квартиру и подхожу к ней. Мать рассказывает: стирала, несколько раз выходила разгоряченная вывешивать белье. Сейчас не говорит, но слышит, не двигается правая рука и левая нога. Менингит. Смотрю на нее: расслабленные косы поверх простыни, в глазах виноватая улыбка, лицо бледное, усталое. Я рассказываю о переменах, которые происходят со мной, она кивает. Бываю у нее каждый день, положение ухудшается. Через три дня ее не стало. Было ей 17 лет. На похороны пришли друзья, соученики, кто-то из госпиталя. В полной тишине прозвучали слова девушки из райкома комсомола: прощай, Валя, мы будем помнить тебя. В воздухе кружились белые хлопья апрельского снега.

А меня не оставляет воспоминание о нашем летнем разговоре и ее предчувствии кончины. Когда я работал над книгой, Мария в одном из писем рассказала об истории, которая пролила свет на некоторые загадки. Я знал, что отец Вали с ними не живет и алиментов не платит. Мария же сама слышала, как некоторые «бдительные» педагоги упрекали директора школы в том, что он пригрел в школе члена семьи врага народа. Имелась в виду Мария Андреевна, мать Вали. А если это так и если Валентина знала об этом, тогда все становится

понятным. Ее тревоги, ее метания, ее конфликтность с миром, ее мрачные предчувствия.

В апреле провожали многих девчат, в том числе Марию в противоздушные войска. В клубе отъезжающим устроили торжественные проводы. Девчонки, выступая, клялись умереть за Родину. Лишь Мария сказала, что обязательно вернется, чтобы увидеть нас всех! Присутствовавший на проводах генерал-полковник Ока Городовиков пожал Марии руку и сказал: я верю, вы вернетесь! Еще раньше в армию ушел Николай Козлов. А я без раскачки включился в работу политотдела МТС. Мне передали директорского жеребца по кличке «Цыган», и я закружился по колхозам и тракторным отрядам. На тракторы садилась совсем зеленая молодежь, только что окончившая курсы трактористов. У всех было немало проблем, особенно связанных с запасными частями, ремонтом машин. По дороге из Семичного в Верхнюю Васильевку заехал на молочно-товарную ферму, где заведующей была симпатичная молодая женщина Валя. Здесь состоялся интересный разговор о первомайском приказе Сталина, в котором речь шла о том, чтобы сделать 42-й год годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения советской земли. Автор приказа, видимо, рассчитывал на то, что он вдохновит сограждан столь оптимистическим заявлением. Доярки сомневались на этот счет: пропустить немца за год до Дона можно, а вот изгнать за полгода — это вряд ли... В свои 19 лет я понимал, что мне критиковать товарища Сталина не положено, но и не прислушаться к здравому голосу женщин было невозможно. Поэтому мне оставалось сказать: посмотрим.

В июне на очередной районной комсомольской конференции меня вновь избирают членом райкома комсомола, а на пленуме райкома — членом бюро и заместителем секретаря райкома комсомола. Это меняет во многом мои занятия сразу же, так как мне чаще приходится бывать в райкоме, и даже определит будущее, о чем я, конечно, не думал и не догадывался. А тем временем, пока район втягивался в уборку, немцы развернули наступление на Сталинград. 16 и 28 июля Котельниково было подвергнуто сильным бомбовым ударам. Во второй раз были разрушены железнодорожная станция, депо, многие жилые дома, пострадала усадьба МТС. Когда бросали бомбы на МТС, все руководство станции находилось в самом эпицентре бомбежки. А в промежутках между этими бомбежками мое положение и мои ближайшие перспективы сильно изменились.

25 июля меня пригласили в райком ВЛКСМ, со мной беседовал представитель ЦК комсомола Степанцов. Было решено, что я остаюсь в Котельниково для подпольной работы в

качестве секретаря комсомольской организации. За два с небольшим дня я превратился в нелегала, с обязательной строгой конспирацией и соответствующими обязанностями. Пополнять состав членов организации строго запрещалось, как я понял позже, наша группа считалась подпольным комитетом комсомола. Общее направление — подрывная работа и разведка по заданию обкома комсомола и партизанского отряда.

В один из этих дней я решил проехать в Верхнюю Васильевку — самый южный колхоз района и посмотреть, как идет уборка. Побывал на полях, побеседовал с ребятами, уборка в разгаре, но настроение, вижу, мрачноватое. Когда собрался уезжать, один знакомый тракторист на ухо сообщил, что сегодня на рассвете в хуторе побывала немецкая разведка. Немцы разговорились с бабами, интересовались, есть ли в хуторе русские солдаты. Уговаривать меня долго не пришлось. Никогда Цыган не бежал так резво домой, как на этот раз.

Надо было уходить в подполье, но была у меня одна обязанность, уклониться от которой я никак не мог. К этому времени наш аэродром превратился в передовую площадку для боевых вылетов нашей авиации. Это требовало большого расхода пулеметных лент. Аэродромное начальство постоянно просило присылать помощников для набивки пулеметных лент патронами. Ежедневно приходилось находить новых и новых ребят (девушки не годились), потому что от этой работы болели пальцы да и страшновато стало под бомбежками. Были и другие дела. Надо было определять время ухода из Котельниково. Посоветовавшись с первым секретарем райкома партии Стаховичем, я решил на первое время уйти в хутор Антонов, чтобы переждать подвижки фронта, разведать обстановку и вернуться домой. Однако было трудно определить, где немец и когда надо уходить. Приходилось руководствоваться чутьем. И вот, когда улицы опустели, в служебных зданиях никого не стало, а налеты авиации противника несколько даже усилились, я решил: пора!

Покидали мы Котельниково вместе с Ваней Мартыновым (он вошел в организацию в качестве связного) в ночь с 29-го на 30-е июля. Мы держали путь до станции Жутово, а там до Антонова — полтора километра. В полной темноте перешли Аксай, поднялись на железнодорожную насыпь и оглянулись на город. Обычно хорошо освещенный, город лежал темной массой в котловине. Чуть правее железной дороги вздымались острые языки пламени многодневных пожаров, кое-где просматривались контуры построек. Изредка доносились потрескивания горящего дерева. Мы перешли пути и двинулись в сторону Сталинграда. Справа от нас на путях замер поезд, тихо шипел паровоз.

Мы шли по знакомой с раннего детства степи. Только что перешли Аксай Курмоярский, впереди у Антонова — Аксай Есауловский, за ним еще один приток Дона — Мышкова, а там рукой подать до Сталинграда. Здесь в этих местах отгремели сражения гражданской войны, здесь сформировались крупные соединения красной кавалерии. Мы догадывались, что скоро тут начнутся новые бои, ибо немцы рвутся к Сталинграду. Но мы, конечно, не думали, что именно здесь зимой этого года закипят такие жестокие битвы, в которых снег станет горячим, а броня будет плавиться, погибнут тысячи наших солдат и солдат противника, битвы, которые решат исход Сталинградской эпопеи и надломают хребет гитлеровскому рейху. Нет, ни о чем подобном мы не думали. Пока же нас обгоняла отступающая армия — злая и уставшая.

В Антонов мы пришли 31-го июля после обеда. Немцы вступили в Котельниково в ночь со 2-го на 3-е августа. Вечером 3 августа, говорят хроники, передовые части 4-й немецкой танковой армии вышли к реке Аксай, но в Антонов немцы вошли позднее, дня на два.

Под дулом пистолета. В Антонове я прожил чуть больше месяца и в начале сентября, как только закрепились немцы в хуторе, я двинулся в Котельниково. Иван ушел на другой день, после того как немцы впервые вошли в Антонов. За это время я четыре раза имел возможность или быть расстрелянным, или предварительно познакомиться с гестапо.

Советские части из опергруппы генерала Чуйкова дней десять держали оборону на правом берегу Аксая, тогда как мимо станции Жутово на Абганерово, к Сталинграду непрерывно двигались немецкие войска и, по слухам, у Абганерово шли страшные бои. Но однажды ночью наши оставили хутор, утром в него ворвались румыны и взяли в плен... человек шесть хуторских ребят, в том числе и меня. Часа полтора нас таскали по степи, но, возможно, убедившись, что среди нас солдат нет, отпустили и приказали идти в хутор. А в хуторе на улице нас перехватывает группа странно одетых румынских не то солдат, не то жандармов. В нижних белых рубашках, рукава засучены, на ногах бриджи, заправленные в сапоги. Тот, что в середине, видимо, старший, зло смотрит на меня и тычет пальцем: «Ту жид?» — «Нет», — отвечаю автоматически: вот уж не ожидал! «Брешешь!» — режет румын. Уверяю, что русский, казак, показываю, где живу. Румын не верит, вытаскивает из кобуры пистолет и подносит его к моему лицу. Тогда все мои спутники поднимают гвалт, а Терентий, мой двоюродный брат, вдруг громко и уверенно заявляет: «Да наш он, его дядя — староста!» У румын на физиономии — сомнения. Старший махнул рукой: идите!

Не успели мы войти во двор, как сюда вскакивают два вооруженных карабинами румына в полной форме, похожей на жандармскую, и требуют документы. Паспорт у меня в порядке, я — русский. Начинают обыск, лезут на чердак, в подполье, заглядывают под кровати. Ищут еврея. Разочарованные, уходят. Кто-то смеется, а мне не до смеха. И тут меня осеняет — борода! Еще в Котельниково решил отпустить бороду, чтобы меньше узнавали. А оказалось, что моя борода двухнедельной давности в сочетании с рыжими космами сделала меня похожим в глазах румын на еврея. Беру ножницы, сажусь перед зеркалом и ликвидирую этот «компромат». Мысленно благодарю Терентия. Еще когда немцы взяли хутор первый раз, собрали человек пять стариков и советовались, кого рекомендовать старостой. Дядя категорически отказался. А тут вошли наши части. Тем самым старик избавился от пяти лет советской тюрьмы, которые получил молодой мужчина, которого все-таки назначили старостой.

Дед Никифор был человек старорежимный. В первый же день, как пришли немцы, он сказал нам: вы кончайте «товарищами» обзывать, кончились товарищи. Мы посмеялись: что же нам, господами называться? А когда у соседей немцы зарезали телку, я заметил, что это пока индивидуальный грабеж, а скоро начнется организованный. Дед, не задумываясь особенно, отреагировал: «Ну, организованно-то грабила Советская власть!» А на другой день немцы приказали согнать на колхозный баз всех хуторских коров, отобрали половину и отправили на скотобойню. Дед был страшно расстроен. Мне, конечно, пришлось рассказать деду, кто я по должности, скрыв цель пребывания в оккупации. Это он посоветовал мне надежно укрыть мои документы, где они хорошо сохранились.

Мои наблюдения показали, что немецкие власти явно не собирались идти на сотрудничество с местным казачьим населением. Некоторые старые казаки рассчитывали: вот придут немцы, распустят колхозы, и заживем мы привольной одиночной жизнью. Однако немцы не спешили распустать колхозы и не шли на сближение с казаками. В соседнем хуторе старики пытались встретить немцев хлебом-солью, но офицер отшвырнул подношение и обозвал их русскими свиньями. Играло свою роль тяжелое положение немецких войск в Сталинграде.

На колхозной плантации осталось много невыкопанной картошки. Завхоз колхоза дед Леон передал по беспроволочной связи колхозникам: копайте, все равно пропадет. И вот мы идем с плантации, нагруженные сумками. На улице нас останавливает странный немец: несмотря на жару, одет тепло и в каске, небритый и довольно старый, в руках котелок, идет с полевой кухни. Расспрашивает, кто мы, куда ходили, что

несем. Русский знает еще с плена в той войне. Разговаривая с ребятами, немец внимательно посматривает в мою сторону и вдруг говорит, показывая на меня пальцем: «Ты партизан». Мои ребята дружно протестуют. Но немец продолжает всматриваться в меня и уверенно повторяет: «Ты партизан», грозит мне пальцем и медленно уходит. Мне это решительно не нравится. Что-то меня выдает, что-то во мне вызывает подозрение. Как все хуторские ребята, я хожу босиком, давно не стрижен. Но на мне красная майка, спортивная одежда, которую в деревне тогда не носили. А другой у меня не было, кстати, как и обуви. И еще, быть может, обращает на себя внимание мой внимательный наблюдающий взгляд. Не знаю, что еще, но надо принять меры, чтобы не бросаться в глаза. Тем более, что мне предстояло вернуться в Котельниково.

Я не раз задумывался о том, какой дорогой идти: вдоль железной дороги, как мы с Иваном шли сюда и где теперь непрерывным потоком идет немецкий автотранспорт; или проселками меж хуторами. Проселочных дорог я не знал, распросы могли вызвать подозрения у полицаяв. Если же я шагаю по людной дороге — значит, ничего не боюсь. Но я не учел всего. Немцы действительно не обращали на меня внимания, но вот румыны... Сперва меня заставили встать на подножку грузовой машины, идущей на станцию Челеково. Общительный водитель из русских пленных переводил вопросы сидевшего с ним в кабине унтер-офицера: куда и откуда я двигаюсь. Я сообщил заготовленную легенду: окончил в этом году десятый класс, работал в колхозе у родственников в Антонове, возвращаюсь домой в Котельниково. Унтер-офицер настойчиво предлагал водителю что-то, на что водитель уверял его: да брось, не солдат он, это же видно. И когда мы подъехали к тоннелю под железнодорожным мостом у Челеково, водитель тормознул и приказал мне: давай, топай. Я сказал «спасибо» и двинулся дальше.

Следующие двадцать километров я шагал без приключений. Продолжал считать немецкие машины, идущие мимо меня, перевалил за четыре сотни, сбился и бросил это занятие. Солнце палило нещадно, давно хотелось пить, а я не взял с собой ни фляжки, ни бутылки с водой. Впереди станция Гремячая, до Котельниково еще километров двадцать, часов пять ходу. Вижу за полотном железной дороги человека, набирающего воду в колодце. Подойти, напиться, на станцию не заходить, приходит в голову осторожная мысль. А может, не надо, говорит во мне еще более осторожный человек. А ноги уже заворачивают в сторону колодца. Перехожу пути, но все еще не могу рассмотреть, кто же у колодца, с моим-то зрением немудрено. Ближе, еще ближе. Румынский солдат достает ведро и смотрит в мою сторону, явно поджидая. Ни в

кoем случае не останавливаться. Подхожу и говорю: добрый день, пан. Румын отвечает вполне доброжелательно: добрый день, пан! Спрашиваю, можно ли напиться? Напиться? Можно, можно, прошу, пан! Отходит от ведра, и я прямо через край с хорошим запасом наливаюсь водой, холодной и вкусной... Благодарю и прощаюсь, но солдат спокойно говорит: но, пан, ком, там машина. Да не нужна мне машина! Но румын настойчиво берет меня за руку и тащит с собой. Делать нечего, иду с ним к станции.

Здесь мне тоже пришлось изложить свою легенду, она вполне правдоподобна, но я чувствую, что у румын есть плохо скрываемое желание проверить ее достоверность. Они предлагают подождать, скоро машина будет отремонтирована, и поедем. Сами они едут в Цимлянскую, это еще 70 километров от Котельникова, на Дону. Ничего не поделаешь, я приготовился терпеливо ждать. Ко мне подсел благообразный старичок, с бородкой клинышком под Калининa. Дед оказался любопытным и болтливым. Сам он, выяснилось, отец Петьки Ипатова — секретаря райотдела НКВД, которого я знал издали во время работы в суде. Дед сообщил мне, что Петяшка недавно заходил ночью за продуктами и что они все тут по балкам крутятся. По поводу разрушения станционных построек мой собеседник рассказал, что была страшная бомбежка, когда прибывшие защищать Котельниково наши войска выгружались из эшелонов.

В 1972 году мне довелось беседовать с маршалом Чуйковым, я рассказал ему, как наши войска держали оборону на Аксае Есауловском у ст. Жутовой. Впервые от него узнал, что это ему пришлось командовать там группой войск 64-й армии, собирать отступающие в беспорядке части. Я спросил его тогда же, почему такой крупный населенный пункт, как Котельниково, был сдан немцам фактически без боя. Оказалось, что боеспособных частей на линии фронта просто не было. По приказу командования к Котельниково была выдвинута из резерва 208 стрелковая дивизия, из числа сибирских. Она стала выгружаться из вагонов около ст. Гремячая, так как Котельниково все время бомбили. Но здесь дивизию накрыла вражеская авиация, а кругом степь, спастись негде. Дивизия в основном погибла. Примерно те же сведения опубликованы в книге академика Самсонова «Сталинградская битва».

И вот мы едем. В кузове я один, румыны разместились в кабинке, на подножках, капоте. По дороге они дважды останавливали немецкие машины и советовались, что делать со мною. Немцы не хотели связываться с неизвестным, рекомендовали румынам завезти меня в Котельниково и сдать коменданту. Это было в высшей степени опасно. Спрыгнуть на ходу? Но за мной, наверное, наблюдают, а кроме того, за

нами постоянно идут машины. Единственная надежда на то, что румыны поленятся заезжать в Котельниково, да и время позднее, а дорога впереди дальняя. Так и есть! Через щели вижу, что машина поворачивает перед городом вправо на Цимлянскую. Выждав немного, стучу по крыше кабины, машина приостанавливается, я выпрыгиваю, кричу «спасибо» и мимо разрушенных окраин депо иду в город. Испытываю чувство облегчения.

Перехожу пути, поворачиваю в переулок. Кругом ни души. Ставни окон, двери, калитки — все закрыто. Того и гляди вывернется какая-то опасность. На заборах наклеены приказы немецких властей: за уклонение от многочисленных правил — расстрел и концлагерь. Захожу во двор моего друга Коли Козлова, выходит навстречу его мама. У них тяжкое горе: как только вошли немцы, забрали отца, дядю Петю. А был он беспартийным. По всему видать, расстреляли. Я знал этого высокого красивого мужчину. Несколько лет назад ему покалечило руку в депо. Он получал приличную пенсию. Позже мне рассказали, что зашел к ним во двор знакомый мужик, поступивший к немцам в услужение. Взял отца за руку и нагло сказал: «Пойдем, Петро, сдам я тебя немцам. Ты все равно не жилец, а мне немцы сказали, чтобы я повязал себя кровью». Нашли его потом, судили. У меня дома все в порядке, мать жива и здорова, правда, она была легко ранена в одну из бомбежек, но все зажило.

По возвращении передо мною встали две неотложные задачи: поступить на работу, чтобы не увезли в Германию, и зарегистрироваться на бирже, чтобы не вызывать уклонением лишнего подозрения. Но там надо было сообщить о себе все основные данные. Этого я сделать не мог. И, как ни странно, эти трудности помогла мне решить моя мама, человек рабочий и к тому же малограмотный.

Пока я раздумывал о работе, мать сказала как бы между прочим, что знакомому слесарю на складе технических масел требуется подручный. Выяснилось к тому же, что это мой клиент по суду. По решению суда я передавал ему корову, забрав ее от непутевой жены, оставившей ему ребенка. Лично моей заслуги тут никакой не было. Но Титенко был благодарен мне и охотно взял меня на склад. Однако надо было еще идти на прием к начальнику депо Полееву, бывшему главбуху депо, с которым я общался, будучи судебным исполнителем. Раздумывая об этом визите, я пережил неприятные часы. А обойти его было нельзя. Увидев меня, он сочувственно улыбнулся и спросил: «Не эвакуировались?» Я пожал плечами, он подписал бумажку и сказал: «Ну, работайте». Так я и не знаю, известно ли ему было, что я ушел из суда и куда. Тревожные дни я испытал, когда Полеева назначили бургомистром горо-

да. Но все обошлось. Возможно, не дошли до меня руки. Что касается биржи, то мама взяла мой паспорт и пошла туда к знакомой молодой женщине, происходившей из хутора Крылова, и записала, что я только в этом году окончил среднюю школу, нигде не работал, сейчас подручный слесаря в депо. Конечно, комсомолец, как и большинство выпускников. На этом все и кончилось.

В один из первых дней встретился с Ваней Мартыновым. Он рассказал, как на обратной дороге его обчистили румыны: забрали зимний пиджак, брюки, рубашку, сахар — все. Интересной была его информация об обстановке в городе. При полиции создана молодежная дружина, сейчас занимаются строевой подготовкой. Среди полицаев есть знакомые. Начала работать церковь, правда, священник в ней румынский. Из прежних начальников не эвакуировались и пошли служить немцам начальник почты, директор кинотеатра, главбух депо. Стала выходить газета «Котельниковские новости», он показал мне пару номеров. «Фома» — член нашей организации работает в депо слесарем. Сам Иван устроился в мастерской по ремонту автомашин. Но его приглашают электромонтером в деповскую электростанцию. Мы посоветовались и решили, что приглашение надо принять.

А мой шеф Титенко получил указание восстановить подъемный кран для угольного склада. Кран мы разобрали довольно быстро, но дело уперлось в отсутствие осей для узкой немецкой колеи. Титенко выступил с фантастической идеей — перепрессовать колеса на старой оси. Для этого надо было снять колеса с оси, расточить ее по-новому и вновь установить колеса по размеру узкой колеи. Титенко подвесил вертикально на стрелке крана пару колес на оси, развел костер под нижним колесом с целью добиться расширения втулки колеса и бандажа, чтобы сбросить их с оси. Нечего говорить, что из этого ничего не получилось. Я между прочим сказал Титенко, что греется не только колесо, но и сама ось. Он посмотрел на меня хмуро и пробурчал: «А тебе-то чего?» Я понял, что он и без меня это знает, вместе со всеми продолжал колотить кувалдой по колесу. Но немцы долго терпеть эту ахиною не стали. Титенко вернулся к своим маслам, а меня послали в депо чистить канавы, на которых промывались и ремонтировались паровозы. Тяжелая и грязная работа. Но здесь я стал присматриваться к работе на поворотном круге, при помощи которого паровозы принимались с внешних путей и направлялись на любую канаву внутри депо. Попасть на круг — значило быть в курсе многих событий в депо.

Время шло, а связные, на которых я рассчитывал, не появлялись — ни от партизан, ни из обкома комсомола. В начале октября я встретил на улице знакомую, работавшую сек-

ретарем в суде вместе со мною. Встретились радостно, будто родственники. Она рассказала, что недавно видела заместителя начальника нашего политотдела и спросила его про партизан. Он ответил, что ничего не знает, попросил у нее хлеба и скрылся. Это вселило надежду на то, что партизаны где-то близко. Не может он болтаться сам по себе, просто так.

Вопрос «что делать?» все острее вставал перед нами. Договорились встретиться с членами нашей организации. Иван собрал радиоприемник, но не хватало какой-то радиолампы. Мы решили, что он встретится с «Фомой» и подключит его к поиску. Этот «подпольщик» даже не скрывал своего испуга и недоверия, хотя ему были предъявлены все пароли. Я думал, сказал он, что пошутили, когда со мной говорили о задании. Немцы прут такой махиной, что их не остановить при помощи комсомольцев-подпольщиков. Радиолампы у него нет, и искать ее желания не выразил. «Фома» заверяет, что будет хранить тайну, но работать не хочет. Потом Иван идет к Тане, но эта девица вообще отказалась от клички и пароля. Наконец, есть еще одна молодая женщина, живет в совхозе, в 45 километрах от города, к тому же мы знаем, что отец ее стал полицейским, пользуется дурной славой. Нам казалось, что мы были брошены на произвол судьбы.

Во второй половине октября на поворотном круге поставили электродвигатель, потребовались три смены мотористов. Я решил. Выбрал подходящий момент и обратился к немецкому коменданту на немецком, с просьбой направить меня мотористом на круг. И получилось! Он дал соответствующее разрешение. Может быть, потому, что люди нужны были срочно, а меня в депо к тому времени уже знали. Перетащить туда же Ивана труда не составило. С этого времени мы стали обдумывать, как вывести круг из строя. Можно было его взорвать или сломать механизм вращения. Но взрывчатки у нас не было, обращаться с нею мы не умели, если бы она и была. На круге постоянно торчали немцы. В конце концов Ваня предложил вывести из строя электромотор. Он знает, как это сделать, теперь нужно ждать подходящий момент.

Об окружении немцев под Сталинградом мы узнали от немцев же. Слесарь, что работал в какой-то мастерской недалеко от нашего дома и жил у нас, нарисовал даже схему окружения, добавив: «Война — капут». А тем временем советское командование предприняло попытку освободить Котельниково. В конце ноября под городом появились кавалерийские разъезды. 27 ноября город подвергся артобстрелу, отдельные подразделения даже врывались на окраины города. Как я узнал позже, согласно германским источникам у немецких танкистов появились тогда убитые и раненые. А между тем в

сторону Сталинграда продолжали идти немецкие поезда, и это подогревало наше нетерпение.

Не помню точно даты, но где-то в самом начале декабря мы решили: сегодня! Я выходил на дежурство в ночь, Иван уходил с дневного. Когда я вошел в будку, на платформе круга находился паровоз, подававшийся к составу. Мы осмотрелись, немцев близко не было. Я тихо сказал ему: давай! Иван наклонился к мотору и что-то стал делать, потом также шепотом сказал: «Готово, включай!» Я включил рубильник, через мгновение — вспышка, мотор взревел и стих. Везде потух свет. Быстрым шепотом Ивану: «Сматывайся!» Он выныривает из будки и исчезает в темноте. В окошко заглядывает немец: «Вас ист дас?» Отвечаю: «Электрошромунг нихт». Круг стоит, света нет, людей тоже почти никого. Как потом прояснилось: сгорел мотор, перегорели предохранители на линии, остановились станки.

Аварию устранили, подозрения, если и возникли, нас не коснулись. А перед нами опять стоял тот же вопрос: что делать? Продолжать оставаться в законспирированном положении, дожидаясь связи, как у моря погоды, или уходить с нашими, если они придут и вновь отступят, как уже произошло? Если оставаться, то нужно ли сохранять нашу замкнутость или пойти на вовлечение новых членов?

После одной из сильнейших советских бомбежек Ваня Мартынов, сам побывавший под бомбами, прибежал радостный, даже сияющий. Кричит: «Наши бомбили!» Ну, и что? «Так наши же! Ты понимаешь, наши бомбят!» Говорю ему: детей же поубивало... Помолчал, потом с пересохшим горлом выговорил: «Так война же. Я стихи написал, посвященные нашим летчикам».

А между тем, Котельниковский партизанский отряд был переброшен через линию фронта лишь в конце октября, за три недели до начала контрнаступления советских войск под Сталинградом. Четыре группы, общей численностью 53 человека, ушли к железной дороге и пропали: ни разу не вышли на связь с партизанской школой, не вышли они и на нас, хотя было известно, что все наши данные — клички, пароли — были в штабе партизанского движения области. Известно также, что все четыре группы были объединены Пименом Ломакиным в середине декабря 42 года под деревней Киселевка Ростовской области. Здесь отряд был обнаружен румынами и в кровопролитном бою в полном составе погиб.

Направлялась к нам связная из обкома комсомола. В первой половине декабря ее задержали под Абганерово посты сторожевого охранения при переходе линии фронта. Доставили к Стаховичу — первому секретарю райкома партии, и он

не пустил ее в Котельниково, заявив, что мы все скоро там будем, а так сама погибнешь и ребят погубишь.

28 и 29 декабря на окраинах и в самом городе происходили ожесточенные бои. На улицах рвались снаряды и мины, слышались пулеметные и автоматные очереди. В соседнем дворе стояло огромное орудие и рявало, посылая снаряды в наступающие порядки советских войск. Рано утром недалеко от дома раздался оглушительный взрыв, что-то хряснуло в доме, полетели осколки. Я осмотрел окна и увидел простреленную ставню и разбитое стекло. В переборке, прямо над моей головой, застряло конусовидное тело, видно, головка от снаряда, весом граммов в триста, не меньше. Мамы дома не было, она находилась у соседей. Я решил присоединиться к ним, так как у нас становилось опасно, дом стоял близко к улице. Часа через два по просьбе матери я наведалься к себе.

В доме я застал человек пять немецких солдат, видно, забрели погреться. В квартире было холодно, хотя печь топилась. Узнав, кто я, офицер потребовал воды, а воды в доме не было. Я попытался объяснить ситуацию, но немец продолжал твердить: вассер, вассер! Тогда я четко сказал, что не пойду за водой. По-немецки. Не долго думая, он вытащил из кобуры пистолет, ловко подбросил его, перехватив за ручку, и, пристально глядя на меня, стал выкрикивать: лёс! лёс! давай! вассер! Я молча взял пустое ведро и вышел. Разумеется, я не вернулся.

К вечеру шум боя стал стихать, стрельба отдалялась, пушку от соседей убрали. Часов в десять я вышел на улицу, стал прислушиваться, но понять ничего было нельзя, в том числе главного — кто в городе. Я подсыпал угля в печку и стал ждать, постоянно выходя во двор. И вот часа в два ночи, выйдя в очередной раз, я стал улавливать отдаленное урчание машин и какие-то голоса. Наконец, истошный и четкий вопль: «Иванов! Иванов! Да где же ты пропадаешь, мать твою!» И т.п. Так мог изъясняться только русский человек, когда ему некогда и когда он — хозяин положения. Наши пришли, наши! — сказал я себе. Спазм сдавил грудь, на глазах выступили слезы.

Красный флаг над городом. Еще не было семи, когда ко мне примчался Ваня Мартынов. Вдвоем мы двинулись на разведку в город: надо было сориентироваться. Город дымился: начисто были сожжены здания милиции, райздравицы, почты, районной библиотеки, хлебопекарни, все магазины в центре. Людей на улицах было мало, из военных никто не мог сказать, где находится комендатура и есть ли она вообще. Вышли на южную окраину города. По направлению на Ростов двигался сплошной поток машин и пешие войска. Группами,

вразброд и даже поодиночке. Словоохотливый солдат в расстегнутой шинели что-то напевал себе под нос и сообщил, что освободила город 2 гвардейская армия генерала Малиновского, что ни о каком отступлении речи быть не может (силица-то какая! Да и танки пошли вперед). Правда, впереди в снежном далеке постреливали, на что солдат философски заметил: «Так фронт же».

Вернувшись в город, мы наконец натолкнулись у одного из железнодорожных домов на группу офицеров из 3 гвардейской танковой бригады. Представились им. Майор Елисеев посоветовал нам спокойно заниматься своими делами, если они у нас есть, а лучше всего найти местное начальство, они наверняка где-то здесь. И действительно, уже после обеда я нашел Стаховича, он сидел за столом и уплетал, судя по всему, вкусный борщ. Первые слова, которые он произнес, были: «Едрена палка, а мне сказали, что тебя повесили». Я не стал уточнять, кто принес ему такую весть: живой и ладно! Он тут же сообщил мне, что задержал девчонку в Абганерово, которая шла к нам. «Представляешь, в красноармейском полушубке, в шапке-ушанке, да еще с финкой, на которой выгравировано: “Славным молодым партизанам от златоустовских комсомольцев”. Ну, я и сказал ей, сама погибнешь и ребят погубишь, а в Котельниково мы все скоро будем».

Переходя на деловой тон, стал давать указания: бери райком комсомола и орудуй вовсю. Первым делом — очистить помещение райкома и райисполкома, там комендантская команда жила, настоящий свинушник устроили. Второе — вместе с военными организовать сбор трофеев. Третье — создать из ребят дружину и взять под охрану учреждения и склады. От Стаховича я вышел вдвойне воодушевленным: к общей огромной радости в связи с освобождением от оккупации прибавилось сознание ответственности за порученное дело. В тот же вечер я разослал гонцов с приглашением ребят и девчат для выполнения порученной работы. На другой день народ пошел к зданию райкома партии и райисполкома, что называется, валом. Шли молодые и пожилые, особенно школьники, все предлагали свои услуги и даже требовали работу. В первые дни все они проходили через мои руки, формировались группы, назначались старшие, которые вели людей на объекты. Во время этой суеты я заметил милостивую женщину, не первой молодости, которая издали наблюдала за мной. Я подошел к ней, и она сказала мне: «Я все смотрю на вас. Вы так энергичны и уверены. Напоминаете мне Павла Корчагина». Ничто не могло доставить мне большего удовольствия, чем эти слова.

С уборкой помещения мы управились быстро, а вот со сбором трофеев начались сложности. Ребятишки, конечно,

помогли военным в отыскании самых укромных залежей мин и оружия. Но стали происходить неприятности: там подняли стрельбу из винтовок, там взорвали мину, в другом месте запал взорвался у пацана в руках. А два «героя» специально зашли ко мне, чтобы похвастаться тем, как они малость постреляли из пушки подбитого танка. Пришлось устроить допуск к сбору трофеев и разъяснить всем, особенно школьникам, что такое мина, граната, запал и чем они опасны. Оружия везде было полно, появилось оно и у нас в райкоме. Мы вооружили им нашу дружину, и пацаны охотно шли дежурить на посты. Без оружия вряд ли получилось бы.

30 декабря над Котельниково взвился красный флаг. А получилось это так. Встретив меня в очередной раз, Стахович вскричал: «Слушай, Смирнов, едрена палка. Второй день в городе советская власть, а красный флаг еще не вывешен! — лезет в карман широченных галифе и вытаскивает оттуда кусок кумача. — Держи, припей с ребятами». Видать, давно носил его в кармане, да все некогда было. Я забрался на крышу аптеки, временного пристанища властей, и при помощи одного паренька прибил древко флага на фронтоне дома. Этот момент был сфотографирован корреспондентом ТАСС Э.Евзерихиным, а сама фотография появилась в журнале «Красноармеец» № 2—3 за 1943 год. Я долго не подозревал о ее существовании, пока Мария не привезла журнал в Котельниково.

Мы лишь со временем и постепенно осознали историческое значение Котельниковской операции, в результате которой была сорвана попытка противника деблокировать окруженную группировку. Армейская группа «Гот» была отброшена за р. Маныч, созданы благоприятные условия для окончательной ликвидации окруженных в Сталинграде войск противника. А в то время мы были просто счастливы освобождением и готовы были сделать все для армии.

Вскоре в городе разместилось Оперативное управление штаба фронта и тыловые службы. Часть улиц отгородили проволокой и поставили часовых. Мы узнали, что у нас живет Никита Сергеевич Хрущев, в то время — член военного совета фронта. Однажды поздно вечером сообщили, что меня приглашает заместитель командующего фронтом по тылу генерал Анисимов. Пока меня искали, пока я добрался из дому, генерал куда-то отбыл. Меня принял его адъютант майор Переслегин. Извинившись за отсутствие генерала, майор передал следующую просьбу штаба фронта райкому комсомола. Вследствие стремительного наступления советских войск регулярные госпитали значительно отстали от линии фронта, раненых же во время наступления поступает много больше, чем обычно. В тылу больших городов, кроме Котельникова, нет.

Сталинград разрушен. Райком комсомола может оказать большую помощь фронту, если пошлет в госпитали, расположенные в городе, на круглосуточную работу как можно больше девушек для ухода за ранеными. Я заверил, что мы постараемся.

И начались дни и ночи госпитальной вахты для наших девочек. Шли они в госпитали с энтузиазмом, но тяжелая обстановка изматывала их силы. Раненые лежали на полу, не хватало не только персонала, но и лекарств. Некоторые девочки дежурили по две-три смены. Я бывал в этих временных госпиталях, беседовал с немногими врачами и нашими сестричками. Вместо электричества горели керосиновые лампы и коптели «катушки». Правда, всегда было тепло: жгли заборы близлежащих дворов. Так продолжалось недели две, пока не подтянулись регулярные госпитали. Поручение штаба фронта было выполнено.

А Ваня Мартынов через несколько дней был призван в армию. Все мои попытки направить его в военное училище результата не дали. Попал он сразу на фронт. Месяца через два я узнал, что он погиб в одном из первых боев.

Фронт удалялся от нас быстро, но ночное небо ежедневно наполнялось ревом «Юнкерсов», доставляющих грузы окруженной армии. Или вдруг какой-то шальной немецкий самолет сбросит на город бомбу-две. Или найдут под кроватью бежавшего из Сталинградского котла немецкого ефрейтора. То собьют немецкий самолет и станут ловить выбросившихся немецких летчиков, причем один из наших офицеров будет убит в перестрелке. А по весне и со мной случилось странное приключение. Я шел пешком по дороге в хутор Семичный. И вдруг со стороны Сталинграда низко летящий самолет. Я вижу кресты на крыльях и голову летчика. Смотрю, а он разворачивается и снова ко мне, да еще ниже. Что ему надо? Единственное укрытие в голой степи — дорожный кювет. Я ложусь в него... А самолет опять разворачивается и буквально утюжит меня. Может быть, здесь была намечена встреча с агентом и он подавал сигналы? А грейдер был гладок и тверд, мог и сесть... Но вернемся к суматошному январю.

Допоздна я задержался в райкоме. Комната забита дружинниками, собирается ночная смена. На столе нещадно коптит «катушка». Вдруг открывается дверь, на пороге вырастает огромная фигура в военной форме без знаков различия, но с биноклем на груди. Представляется: помощник первого секретаря обкома партии Чуянова Мальцев. «Я так и знал, что это райком комсомола: нигде света нет, а у нас горит! Шумно, дымно и вооружены до зубов». Далее гость спросил, не знаем ли мы, где помещается штаб фронта, внизу ждет машина, в которой находится Чуянов. Чуянов не только первый секре-

тарь обкома партии, но и председатель Сталинградского комитета обороны и член Военного совета фронта. Я выхожу вместе с Мальцевым проводить их до штаба. В эмке набито битком, и меня уложили прямо на колени сидящих. Так я впервые познакомился с высшим партийным руководством области. А интересных встреч тогда было много. Здесь прошел путь корреспондента «Правды» Льва Толкунова. Здесь был ранен и кончил воевать командир пулеметной роты Юрий Бондарев, отсюда пришло несколько интересных корреспонденций журналиста из «Комсомольской правды» Гуторовича.

А седьмого января к нам прибыла та самая связная, которую Стахович перехватил в Абганерово. У меня было полно девчат, которых я наставлял насчет сбора посуды у населения для столовой летного состава. Во время этого разговора в кабинет тихо вошла молодая женщина в военном белом полушубке, в шапке-ушанке, сказала всем «здравствуйте» и присела на диван. Выпроводив девчачью команду, я повернулся к гостье и пригласил к разговору: «Слушаю вас!» Улыбнувшись, она сказала, что мне придется слушать ее долго. Она показала мне удостоверение, в коем значилось, что Быкова Таисия Федоровна является инструктором спецотдела Сталинградского обкома комсомола. Я догадался, кто передо мною и выразил радость по поводу того, что наконец-то встреча состоялась. За три дня, которые она у нас пробыла, мы поговорили, кажется, обо всем. Я рассказал о наших мытарствах, написал докладную для ЦК ВЛКСМ. Со своей стороны, она рассказала кое-что о своих походах в тылы немцев, посетовала на Стаховича за то, что не пустил ее в Котельниково в декабре. Перед боями в Сталинграде работала секретарем Ерманского райкома комсомола, бомбежку 23 августа встретила в своем кабинете, окна которого выходили на площадь Павших Бойцов. Чудом осталась жива. 10 января я проводил ее в Сталинград.

А вообще, надо сказать, что армия принесла с собой не просто дух победы, но общее воодушевление. Это была совершенно иная армия по сравнению с той, которая отступала летом 42 года. Зимой на Ростов двигалась горластая, уверенная в своих силах армия, отлично оснащенная, хорошо одетая и накормленная. И это трогало сердечные струны у простых обывателей: они с гордостью говорили или думали — это наша армия. Те, кому удалось встретить новый 1943 год в Котельниково, навсегда запомнили радушие и гостеприимство котельниковцев, веселые песни и пляски новогоднего праздника. Интересная деталь: новый год в Котельниково встречали шесть будущих маршалов — Василевский, Бирюзов, Малиновский, Ротмистров, Пересыпкин, Федоренко. Однажды ве-

чером в клубе пять солдат, окруженные местной молодежью, пели «Священную войну», тогда еще мало знакомую у нас. Впечатление было потрясающим. Мелодия звучала страстно, красиво и грозно. Слушая песню, я чувствовал, как мурашки пробегают по спине.

Потом фронтовой театр показал спектакль по пьесе Корнейчука «Фронт». Со сцены повеяло критическим духом, призывом к пересмотру устаревшей стратегии и тактики. Из нынешнего далека некоторые литераторы и критики свысока и иронически бросают шпильки в адрес автора: не тех критикуете и не за то. Вот если бы Сталина взять под обстрел... Хотел бы я видеть такого смельчака. Однако в пьесе разворачиваются масштабные события армейского и фронтового порядка, через них были показаны большие проблемы. Зал, где сидело немало военных, сочувственно реагировал на происходящее на сцене.

В первых числах января стали активно прибывать наши товарищи из тех, кто эвакуировался, в том числе Роман Лосев — помощник начальника политотдела по комсомолу дороги, Александр Фролов, сразу же принявший на себя обязанности секретаря райкома комсомола по военной работе (на общественных началах) и комиссара дружины. У нас появилась возможность создать оргбюро райкома, которое коллегиально решало наиболее важные вопросы комсомольской жизни.

Исключительной работоспособностью отличался Фролов. Он кончил десятилетку, как и я, в 41 году, но в другой, поселковой школе, и я знал о нем понаслышке. Но надежды мои оправдал с лихвой. Рано утром по радио уже звучал Сашкин голос: он читал очередной приказ Верховного Главнокомандующего, непременно подражая интонациям Левитана. Днем в качестве секретаря райгазеты делал очередной номер, вечерами заседал в бюро райкома или вел концерт в клубе. Ночью, склонившись у радиоприемника, записывал очередную информацию для райгазеты. Сашка был великолепным конферансье, а коронным его номером была «Пляска Геббельса». Одетый в какой-то смокинг, узкие брючки, непременно в цилиндре, он вбегал на сцену и под мотив довоенных утесовских куплетов напевал уже новый «военный» текст, выделывая ногами невероятные пируэты. Получалось что-то вроде следующего: «Гитлер, Риббентроп мои друзья! Гоп со смыком, это буду я! Ремеслом я выбрал кражу, из кичмана не вылажу и тюрьма скучает обо мне. Да-да!»... Нечего говорить, успех был неизменным и бурным.

Бьющий ключом юмор, общительность Александра оказали на меня большое влияние. Он помог мне раздвинуть круг моего общения с парнями и девушками, показал пример свободного, раскованного общения с людьми, формировал вкус

к шутке, остроумию. Сам, правда, он порой не знал границ, его «хохмы» переходили в ерничество, чего я уже не любил, но Сашке прощал. Словом, работа до изнеможения, общение как удовольствие, смех до слез, дружба сердечная и открытая — все это я находил и очень ценил в нем.

Секретарь райкома комсомола. Я находился в хуторе Поперечном, где мы готовили допризывников 1926 года рождения, когда получил срочный вызов в Сталинград на пленум обкома комсомола. Это был первый пленум после завершения Сталинградской битвы и пленения Паулюса. Он проходил три дня, с 10 по 12 февраля в клубе им. Ворошилова в Бекетовке. Сама по себе картинка заседания примечательная. Больше половины участников — военные. Поскольку зал набит был до отказа, то во время заседания многие участники сидели на полу, на подоконниках, а кто и просто полулежал. Многие стояли. На повестке дня один вопрос: «О задачах областной и городской комсомольских организаций в восстановлении хозяйства в освобожденных районах и городе Сталинграде». Речи были пламенные, обстановка накаленная. После Пленума мы ходили на площадь Павших Борцов, осматривали подвал, где капитулировал фельдмаршал Паулюс. В один из вечеров я беседовал с первым секретарем обкома Виктором Левкиным.

Вернулся я из Сталинграда вторым секретарем Котельниковского райкома комсомола. Первым секретарем был утвержден Василий Бондаренко, работавший до этого секретарем Камышинского райкома комсомола, крупнейшего в области. С приходом Бондаренко в работе нашего райкома прибавилось больше серьезности и деловитости, и я бы добавил — бюрократической респектабельности. Оргбюро посетило все села района, интересуясь и тем, как вели себя комсомольцы во время оккупации, и неотложными нуждами сельской молодежи. Все комсомольские организации были восстановлены. Выявилось, что селу срочно нужна помощь в инструментах для ремонта тракторов и сельхозинвентаря. За это взялись комсомольцы железнодорожного узла. Нас встревожили многочисленные факты подрыва людей, особенно подростков, на минах и снарядах. В хуторе Пимено-Черни нас встретил весь перебинтованный секретарь комсомольского бюро, он же председатель сельского Совета — Коля Марченко. Оказалось, что у него в руках взорвался минный запал. Бондаренко здорово пропесочил незадачливого секретаря. А утром в хуторе еще два ЧП.

Солдат трофейной команды попытался вытащить труп немца, что еще с зимы лежал в канаве и беспокоил жителей. А на поясе у немца оказалась ручная граната. Труп в клочья,

а нашему солдатику поковыряло руки и лицо. Следующей жертвой оказался я. Примерно в то время, когда произошло первое ЧП, я на квартире внимательно рассматривал автомат, подаренный еще вечером райкому все тем же Марченко. Повертел оружие, подвигал рычажок переключения стрельбы и стал укладывать его в мешок, где он до того находился. И вдруг: бах! Между пальцами левой руки четыре дырки. Перевязывая мне руку, старичок-фельдшер, который бинтовал перед тем солдата-трофейщика, сказал мне: «Есть у вас Бог! Четыре дырки в руке, а кость не тронута совершенно». И вот мы сидим на полutorке вдвоем: весь в бинтах солдат и я с рукой на перевязи. Тот хоть по делу, а я-то по дурости. Говорили, что один районный начальник высказался-таки: не самострел ли второй секретарь райкома комсомола? Ему напомнили, что Смирнов вовсе снят с воинского учета.

Был один положительный результат этой истории: по предложению Бондаренко мы еще энергичнее взялись за организацию разъяснительной работы относительно мин и снарядов, привлекли военруков школ. И послали на курсы минеров двух милых девочек, окончивших десятилетку, Владлену Кочубей и Машу Пономареву. Ребят — увы! — не было. Скептики кривили рот: те еще минеры получатся! Но, вернувшись, девчонки обошли все поля района, снимая повсюду десятки и сотни мин. И обе были награждены медалями «За отвагу». А потом уехали учиться в институт.

Два самых больших школьных здания все еще занимали госпитали, остальные школы начали работать где-то в январе. Но как! Я часто бывал в школах и видел эти условия. Здания не топились: не было чем. В классах — мороз, дети сидят в пальто и в ушанках, в чернильницах лед. Окна почти доверху заложены кирпичом, в классах темно, электричества пока нет. Многие ребята голодны. С фронта нередко приходят «похоронки». И в этой обстановке в школе выпускают стенгазету и очень этим гордятся: первый номер! Приглашают посмотреть. Стою перед свежим листом ватмана, неплохая газета. Но через весь лист аншлаг: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!» Говорят, сам директор придумал. Осторожно беседую с директором: ведь война же, Василий Иванович, это бедствие, общее наше несчастье. Но он не прост, этот старый «шкраб». Как же, возражает он мне, освобождение города это счастье, возможность детям учиться — это тоже счастье. Действительно — день освобождения Котельникова и для меня один из самых счастливых дней. Но ведь отдельные счастливые моменты не делают счастливым все детство. Вы лучше меня знаете, в каких условиях живут и учатся дети, да иначе и быть не может после оккупации, разрухи... Не сразу, но газета исчезает. Лишь значительно позже я

понял, что такая «дерзость» могла для меня плохо кончиться. С товарищем Сталиным так вольно обращаться было не положено.

В один из апрельских дней каждый комсомолец Котельниково, за исключением занимавших ответственные оперативные должности на транспорте, получил извещение, напечатанное типографским способом, подписанное секретарем райкома комсомола Бондаренко, в котором говорилось: вам надлежит явиться в райком комсомола к пяти часам вечера, имея при себе продуктов питания на три дня, чашку, кружку, запасное белье. Хотя фронт был от нас далековато, но переполох произошел большой. Явились все, но попыток освободиться, особенно при помощи начальства, было много. Собравшимся объявили, что отряд комсомольцев должен выполнить важное задание, о чем будет сообщено позднее. Несмотря на трудности с продуктами, некоторые мамы так нагрузили своих чад продовольствием, что пришлось вещи оставить в городе «для погрузки на машину». Отряд был выведен километра на три от города, и там было объявлено, что речь идет об учебной тревоге, дана высокая оценка дисциплины и организованности комсомольцев, их готовности выполнить любое задание партии и комсомола.

Конечно, с высоты сегодняшнего времени можно иронически оценить всю эту затею. Но по тем временам это было в порядке вещей, на фоне тыловых будней представляло некий тренинг. Да и сами участники не без удовольствия вспоминали «тревогу», перебирая комические эпизоды того дня.

Мы, я имею в виду райком комсомола, конечно понимали, что главное творится на производстве, и сосредоточивали свое основное внимание именно на транспорте и колхозах. Все военные годы были тяжелыми. Но для нашего района 43-й был особенно тяжел: урожай прошлого года не убран, озимые почти не сеяли, зябь не пахали. Ни техники, ни семян к севу не было. Тракторы кое-как ремонтировали, но не хватало запчастей и инструментов. И многое тут зависело от включения в производство женщин и молодежи. Обо всем не расскажешь, но об одной странице наших трудовых будней узнать будет небезынтересно.

В хуторе Бударка, где наша школа проработала летом 41 года, сложилось особенно тяжелое положение с зябью. А зябь нужна: какой же урожай без зяби? И вот женщины в Бударке взялись пахать на коровах. Возглавила это звено жена фронтовика Таня Беднягина. Когда я приехал к ним первый раз, они заканчивали четвертую сотню гектаров зяби. Я пробыл у них почти целый день, разговорился, походил за плугом. И проникся глубоким чувством преклонения перед этими замечательными труженицами. Мне предложили написать о них в

райгазете. Я сел и за ночь написал не статью, а очерк, который назвал «Татьяна Беднягина и ее звено». Он начинался так: «Небо покрыто тяжелыми свинцовыми тучами. Дует холодный пронзительный ветер... Из-за косогора к ветряку медленно поднимается воловья упряжка с плугом, потом другая, третья... Нет, не воловья, а коровья».

Очерк имел большой отклик в районе, примеру беднягинцев последовали в других хозяйствах. Мне могут сказать, что я воспеваю не лучшие страницы нашей истории. Да уж, чего тут прекрасного. Но что должны были делать эти люди?! Я не воспеваю, я рассказываю правду, и только.

По мере удаления фронта на запад у нас чаще стали появляться фронтовики: кто в отпуск, кто в чистую отставку в связи с ранениями. Мы с удовольствием брали их на ответственную работу. В начале мая приехала в отпуск Мария Матвеева. Она выполнила свое слово, данное на проводах в апреле 42 года: победила и приехала встретиться с нами. Мы, конечно, устроили ей и ее подруге Тамаре Твердохлебовой встречу с комсомольским активом в клубе. Потом мы втроем — Маша, Сашка и я — просидели ночь у меня дома, не переводя дыхания, слушали ее рассказ о том, как приучали их к службе и как они воевали.

Марии выпало служить воздушным разведчиком — дежурить на вышке и докладывать обстановку в небе. С Дар-Горы, где расположился КП их 748 зенитного артиллерийского полка, хорошо видны окрестности города и Волги. Но зато вышка открыта всем стихиям — дождям, ветру, солнцепеку, пулеметным обстрелам и бомбовым осколкам при налетах противника. 23 августа тотальная бомбежка Сталинграда, когда несколько сот вражеских самолетов сбросили тысячи бомб и центр города был разрушен. Время 16 часов 18 минут, рассказывает Мария, слышу гул самолетов, отличный от того, что доносился с севера. Я кричу: «Воздух! Курс 90, массовый шум самолетов». Но докладывать уже бессмысленно, цели повсюду. Бомбы рвутся в городе, широкая лента огня течет по Волге. Позже подсчитано, что было сбито 120 вражеских самолетов, но что сделано со Сталинградом! С приближением немцев зенитные батареи бьют по немецким танкам. Мария, другие девчонки ходят в пешие разведки. Позже всех девушек по приказу командования переправили на левый берег Волги.

В сталинградском небе воевала еще одна выпускница нашей школы Аля Шульц (Васильева). Еще учась в институте, стала летчицей. Воевала на истребителе, была ранена и награждена орденом. Три года провела в госпиталях. Прикованная к постели, сумела закончить текстильный институт, а встав на ноги, будет трудиться. Еще один наш выпускник Павлик Любчич будет одним из первых, кто совершил подвиг,

подобный подвигу капитана Гастелло: он направил свой загоревшийся самолет на вражеский аэродром.

Мария же в составе истребительного батальона, сформированного из бойцов и командиров своего зенитного полка, в качестве медсестры переправилась вновь в Сталинград и воевала у завода «Баррикады». Батальон сражался до конца и, как сказано в сводках, «из боя не вышел». Мария была контужена и переправлена на левый берег. О своем участии в Сталинградской битве она написала книгу «Я была на войне», вышедшую двумя изданиями в 83 и 90 годах. Книга имела широкий резонанс в печати и среди участников войны. И последнее: даже мы, ее близкие друзья и товарищи, видели в ней подлинную героиню, воспринимали как легенду.

Встреча с Марией явилась своего рода нравственно-психологической встряской: мы-то тут как? Сидя в тылу, делаем то ли? Приезжали и другие фронтовики, возмужавшие наши ребята, более крикливые и критично настроенные по отношению к тылу, к «окопавшимся тут». В минуты таких размышлений еще больше укреплялась мысль: главное сейчас работа. Работать больше, работать лучше, никаких отвлечений! И никаких развлечений! Особенно в первые дни войны нас мучили угрызения совести: на фронте страдания и смерть, наши отступают, а в тылу крутят кино, иногда бывают даже танцы. Как-то после возвращения со строительства оборонительного рубежа я попал на день рождения одной из наших девочек. Меня поразило то, что наши девчонки принарядились, подкрасились, завились. Я подумал и о том, что девочки раньше нас вступают во взрослую жизнь. Но больно было видеть это не ахти какое веселье в сравнении с обстановкой на стройке, где грязь, холод и голодно. Сама жизнь диктовала суровый, почти аскетический образ жизни. Члены бюро райкома комсомола очень долго вообще не появлялись ни в кино, ни на танцах. Позже стало приходить понимание того, что вряд ли станет лучше, если прикрыть кино, клубы, танцы, рестораны, где они есть. Нет, будет еще хуже, война и без того обременила людей лишениями и ограничениями. Надо поступать так, как делали предки: фронт и тыл должны жить по своим законам.

Но жизнь подбрасывала и другие, куда более заковыристые вопросы. На каком-то торжественном заседании места наших райкомовцев оказались рядом с работниками райотдела НКВД. Мы заметили, что на свободное место уселся военный в форме майора авиации. Ему сказали, что место занято, он промолчал. Через какое-то время подошел начальник райотдела и спросил, почему его место занято. Ему объяснили. А дальше произошло то, что понять трудно. Брыкающегося авиатора несли на руках по проходу через весь зал, а на ос-

вободившееся место сел сам Е. Как мне потом рассказали, на заседании бюро райкома партии Стахович сделал замечание райотделу НКВД по поводу их грубого и нетактичного поведения в зале кинотеатра перед самым открытием торжественного заседания, на глазах полного зала. Е. ответил, что это дело органов и он не собирается здесь оправдываться. Возник спор, кто кого контролирует: партийный комитет — органы или органы — партийный комитет. Лишь гораздо позже из речей Хрущева мы узнали, что во время войны органам НКВД одно время было действительно поручено контролировать партийные и советские организации.

Однажды на пленуме райкома партии был поднят вопрос об отношении к тем, кто оставался на оккупированной территории. Здесь существовал какой-то двойной стандарт. С одной стороны, печать широко показывала радость людей в освобожденных от немцев районах, и это было правдой. С другой — культивировалось почти нескрываемое недоверие к лицам, оставшимся на оккупированной территории. Их, как правило, не брали в партийный и комсомольский аппараты, появились люди как бы второго сорта. Поднял эту тему крупный хозяйственник, ему осточертела эта двойная бухгалтерия. Для меня этот вопрос был совершенно ясен. И, получив слово в прениях, я решил высказать свое мнение. Я заявил, что на оккупированной территории остались десятки миллионов людей, и в большинстве случаев не по своей охоте, просто не было возможности эвакуироваться. Большинство населения относилось к оккупантам враждебно. Конечно, были и предатели, могли немцы оставить и агентуру. Но разве эти обстоятельства дают основания для того, чтобы подозревать всех. Взрослые, пожилые люди слушали меня, пацана (21 год), внимательно. Может быть, они думали, что мне поручено это сказать? Тем более, что первый секретарь райкома партии обошел эту тему молчанием, не желая, возможно, меня дезавуировать, а может быть, просто будучи согласен со мною. Я же руководствовался принципиальной позицией коммуниста, и не более того. В основе моей смелости лежали убежденность и неведение. И уж не первый раз я так ошибался. Как выяснилось много позже, какие-то указания такого рода все-таки были.

Поздней осенью от нас забрали Стаховича Н.А. в Сталинградский горком партии. Тогда держали курс на молодых. Когда в январе 43 года Чуянов приезжал к нам, ему было всего лишь 37 лет, а он работал первым секретарем обкома партии уже пять лет. Перед отъездом Стахович дал мне рекомендацию в члены партии, где написал хорошие слова обо мне.

В начале 1944 года нашего первого секретаря В.И.Бондаренко послали на учебу в Москву. А в марте первым секретарем избрали меня. Вскоре после этого у нас появился новый первый секретарь райкома партии Василий Родионович Чурсинов. Это был типичный хозяйственник, железнодорожный инженер. К нам он пришел с должности заведующего транспортным отделом обкома партии, а до этого работал начальником Сталинградского отделения железной дороги. Работал он сам страшно много, во все вникал лично, обо всем заботился, все важные вопросы решал сам. Можно даже сказать так: он не просто руководил, он вместе со всеми делал то, что намечал, показывая тем самым пример того, как надо исполнять намеченное. Ко мне он отнесся сразу хорошо, стался вовлечь во все важные дела района.

До Чурсинова много говорили о перезахоронении погибших под Кисилевкой котельниковских партизан. Он взялся за дело, и уже в апреле в город были доставлены останки пятнадцати партизан, пролежавшие в степной балке почти полтора года. Было организовано торжественное захоронение погибших.

Изменение моего положения заставило многое осмыслить заново. Котельниковская молодежь играла в жизни района большую роль. Молодые руководили колхозами, фермами, тракторными отрядами, мастерскими, подразделениями на железной дороге. Ни одна хозяйственная задача не могла решаться без молодежи. И повсюду райком должен был помочь каждому найти свое место.

В то же время менялась общая обстановка в стране, возникали новые потребности и тенденции. В июне 1942 года в политсекторе Областного земельного отдела начальник, узнав, что я приехал не только на пленум обкома комсомола, но и на летнюю сессию Юридического института, сказал мне с некоторой строгостью: «Чтобы ни одного дня после пленума вас здесь не было, учиться будем после войны». Отъезд на учебу Бондаренко давал понять, что время, когда учиться во время войны можно, пришло. Страна почти полностью была очищена от оккупантов, война вступала в завершающую стадию. Скоро потребуется много людей мирных профессий.

Для характеристики моих умонастроений того периода хочу рассказать о том, как я разговаривал с товарищем Сталиным. Во сне, конечно, но все-таки. Разговор снился так четко, ясно, что запомнился на всю жизнь. Сталин в белом кителе, но почему-то еще без погон. Четко помню рыжеватые волосы и такие же рыжеватые усы. Внимательно смотрит на меня и ждет от меня вопросов. Я говорю спокойно, но с некоторым напряжением: вообще-то дела в целом у нас идут хорошо, но надо бы кое-что поправить. У властей, партийных

органов есть какое-то недоверие к населению, остававшемуся на оккупированной территории. Получается, что мы подозреваем в чем-то свой народ: ведь осталось у немцев почти 50 миллионов человек. Мне кажется, что надо исправить это положение. И еще: напрасно партийные комитеты берут на себя решение всех административных и хозяйственных задач. В результате недовольство населения непорядками направляется прежде всего на партию. В интересах дела следует отказаться от такой практики. В нашей политической работе слишком много формализма, особенно при выборах в партийные комитеты: кандидатов выдвигают ровно столько, сколько надо избрать членов парткома. Влияния избирателей на результаты выборов практически никакого. Говоря все это, я испытывал чувство полной уверенности в своей правоте.

Ответы товарища Сталина, хотя и были вполне вежливыми, но выражали решительное несогласие со всем тем, что я высказал ему. Звучало это так: видите ли, товарищ Смирнов, вы затронули, конечно, известные проблемы, которые имеют место в обществе, но берете их в отрыве от тех реальных условий, в которых они существуют. Не надо забывать, что идет война. А это, в частности, означает, что у нас должна проявляться повышенная бдительность. Война означает также, что мы не можем использовать мирные формы демократии. Как не может партия самоустраниться от решения многих насущных вопросов хозяйственной или политической жизни страны. А что касается советских работников, наших хозяйственников, то не беспокойтесь, — им работы хватит, всем работы хватит. Официально и кратко, по-сталински.

Проснувшись после «беседы», я даже не улыбнулся, настолько поразило меня категорическое отвержение Сталиным всех моих рассуждений. Не во сне же впервые пришли мне в голову эти беспокоящие вопросы. И конечно, я спрашивал себя, почему бы Сталину над ними не задуматься. Но побеседовать со Сталиным — нет, подобных идей мне в голову не приходило.

Возвращаясь позже к своим вопросам, я заметил, что они касались главным образом практической политики и не касались жизненного уровня людей, социального равенства, социального расслоения. Наверное, потому, что шла война, доходы строго регулировались. Кроме того, в Котельниково не было заметных богатеев, прожигателей жизни, водка свободно не продавалась, ресторанов не было. Что касается уровня заработной платы, то ее различия вполне отвечали представлениям о справедливости. Самые высокие заработки были у паровозных машинистов — 1000—1200 рублей в месяц. Первый секретарь райкома партии, председатель райисполкома, директор МТС, начальник политотдела МТС получали по 900 руб-

лей, заведующий отделом райисполкома, народный судья — 700, первый секретарь райкома комсомола 600, учителя средних школ со стажем до 700. Моя мать — машинист химически железнодорожного водоснабжения — 250, столько же получали старшие пионервожатые, судебный исполнитель в нарсуде. Никаких спецпайков мы не получали. Мы выросли, не зная над собой ни помещика, ни владельца мельницы, ни хозяина магазина, ни коннозаводчика, ни живого купца, ни прочих хозяев жизни. Знали по книгам, по кино. И совершенно не тосковали по ним.

Бегство на учебу. Знал, что в том году очень многие мои товарищи, парни и девушки, собирались поступать в вузы. А тут в один прекрасный день открывается дверь моего кабинета, и заходит Чурсинов. Наверно, опять насчет мобилизации молодежи для работы в Заготзерно, подумал я. Но ошибся. «Есть указание, — с нажимом проговорил он, — отпустить молодежь на учебу. Отпускать всех, независимо от должности. Если руководители не будут отпускать — говори мне, будем ломать сопротивление вместе. Война идет к концу, нужно готовить кадры». Соображаю, какой тарарам поднимется, особенно на дороге.

И вдруг у меня возникает озорная мысль. Точно прыгая в холодную воду, выговариваю фразу: «Василий Родионович, а если я попрошусь на учебу?» Вижу, не ожидал такого поворота, но и не в его характере отступить. «А что же? И тебя отпустим, только надо подумать, кем заменить». И вышел от нас. Совершенно неожиданно неопределенные мечтания переведены в практическую плоскость. Учиться, конечно, хочется. Я уже более двух лет на комсомольской работе, благодаря своей начитанности могу протянуть еще какое-то время, а потом? Сейчас райком партии отпускает, — надо ехать. Знания свежие, экзамены сдам. А с другой стороны, тебя только-только избрали на столь ответственный пост, который даже человеку с высшим образованием не сразу предоставится.

Но неожиданно все усложняется: бюро обкома комсомола в ответ на мое заявление отпустить на учебу в Ростовский университет на исторический факультет рекомендует мне поступить в Сталинградский пединститут на заочное отделение. Пишу заявление в ЦК партии: прошу помочь. Оттуда поступает рекомендация — отпустить меня на учебу. Я еду в Ростов, сдаю все экзамены на «отлично» и получаю на руки решение о зачислении меня на первый курс историко-филологического факультета РГУ.

Начало учебы в Университете было радостным и интересным. Лекции по археологии, изучение языков — древнерусского, латинского, английского. Богатейшая библиотека,

новые знакомства. Но стипендия 40 рублей при страшной дороговизне — маловато. Ее могло хватить лишь для оплаты квартиры. Общежития для нас университет пока не имел. Правда, подворачивалась явная «лафа». В столовой подсел ко мне мужик средних лет, расспросил, кто я, где живу, и заключил: «Подходишь! Переходи ко мне жить, я все время в дороге, там куплю, там продам, денег за квартиру брать не буду, живи себе, караул хату и все тут». Поваяло на меня дармовщиной и благополучным решением моих проблем. Но хватило ума откреститься, сказал, что квартира у меня хорошая, ничего не надо. Видно, сообразил тогда, что вход в мир жулья и спекуляции будет сравнительно свободен, а выход из него может стать трудным и опасным.

У матери денег решил не брать, попробую поискать любую работу. Зашел в обком комсомола, вижу, мною заинтересовались, но предлагали фактически вернуться на такую же работу, с которой я ушел. Это меня не устраивало. Я хотел получить работу организационно-технического характера, чтобы можно было учиться. После поисков и разговоров осталось предложение ректора университета — рекомендовать меня комсоргом ЦК ВЛКСМ в университете. Он и слушать ничего не хотел о других вариантах и перетянул на свою сторону обком комсомола. Честно говоря, университет меня несколько страшил: девять факультетов, а я всего лишь студент первого курса. И тут я узнаю, что Ростовский обком комсомола запросил на меня характеристику из Сталинграда: все же университет! Какой она будет? О нашем райкоме обком комсомола принял два постановления, в которых ставил в пример всей области постановку идейно-воспитательной и пионерской работы в школах, а это как раз сферы моей деятельности. Так что характеристика могла быть хорошей. Но в то же время, уехал я на учебу вопреки решению обкома комсомола, хотя при поддержке райкома партии, обкома партии и по рекомендации из ЦК партии. И что напишет Левкин — одному богу известно. А время шло, характеристика не появлялась. Я уже был не рад, что связался с ростовским обкомом и ректором, но машина была запущена, и надо было ждать. Я почувствовал, что попал в ловушку, созданную прежде всего моими собственными усилиями. Начал подумывать, что характеристика и учеба в Университете может оказаться под вопросом. Надо было срочно ехать в Сталинград самому. И я поехал.

Молодой хозяйственник. Перед отъездом из Ростова я написал Левкину письмо, в котором рассказал о своих злоключениях в Ростове и своих намерениях. И все же до сих пор меня поражает разговор Левкина со мною, когда я объявился у него в кабинете после ноябрьских праздников. Я ожидал,

что меня пропесочат, а для начала с пристрастием допросят, почему так вел себя, может быть, объявят выговор. Всего этого я в полной мере, по моим понятиям, заслуживал. К тому же я знал, что такие проекты существуют. Левкин же, пригласив к столу, молча сидел, сложив перед собою кисти рук. Потом негромко спросил: «Учиться хочешь?» Благодарное волнение перехватило дыхание, и я с трудом выговорил: «Очень хочу. Разве я стал бы затевать эту историю?» Не стану занимать читателя дальнейшими подробностями.

И вот я еду в Москву на учебу в Центральную комсомольскую школу, которая только что была создана. Успешно сдаю экзамены, прохожу приемную комиссию. Но врач-окулист записывает: по состоянию зрения учиться не может. Однако решение о моем приеме в школу все-таки состоялось, хотя несколько задержалось. А пока длилось это замешательство, обком комсомола утвердил меня заместителем начальника областного управления промкооперации по работе среди молодежи. И я опять поехал в Москву уже в связи с новой работой. Здесь-то я и узнал, что зачислен слушателем ЦКШ. Но отыгрывать назад было уже невозможно, хотя работники из ЦК ВЛКСМ настойчиво требовали, чтобы я ехал учиться.

Система промысловой кооперации области состояла из почти двухсот мелких и средних кооперативных предприятий — артелей, объединенных в пять областных отраслевых промысловых союзов: швейно-трикотажный, коженно-ремонтный (обувной), металлический, разнопромысловый областной и разнопромысловый городской (Сталинградский). Делали все: от металлического литья и строительного кирпича до одежды и обуви, от сарпинки до бумаги и спичек. Во время войны в артели пришло много молодежи, в том числе подростков. Возникли специфические молодежные проблемы и потребовался специальный институт заместителей руководителей облпромсоюзов и областных управлений промкооперации по работе среди молодежи, которые находились в тесном контакте с обкомами и райкомами комсомола. На них были возложены все социально-культурные вопросы в системе, но прежде всего культурно-воспитательная работа среди молодежи, организация социалистического соревнования, вопросы быта. Эта работа дала мне ценные представления и практические навыки в руководстве хозяйством, финансами и снабжением. Начальник управления проникся ко мне большим доверием и порой, уезжая в командировки, оставлял меня исполняющим обязанности начальника управления.

А между тем война подходила к концу. Несколько дней напряженного ожидания. Ночью с 8 на 9 мая мы слушали речь Сталина: «Наступил исторический день окончательного разгрома Германии, день великой победы нашего народа»...

Мы (это я и мои друзья из обкома комсомола) поднимаемся на балюстраду шестого этажа общежития в Бекетовке и смотрим на темный массив поселка Солёный Пруд. Проходят мгновения. И началось! Там и сям в домах стали вспыхивать огни. Через минуту-другую светится весь поселок, море огней! Этого часа ждали все. Наконец-то, свершилось! Дождались! Мы спускаемся и идем в общежитие мединститута, где живут Лариса Данилова и ее подружки. На полпути мы с ними встретились, обнимаемся. То же делают и другие люди, в том числе и незнакомые, хотя идет уже четвертый час ночи.

После бурного веселья начинаются будни. Мы не сразу привыкли к тому, что живем уже в иных условиях, в обстановке мира. Но изменения становились все заметнее, в том числе в положении близких мне людей. Лариса переводилась в Ленинградский мединститут, там жила ее родная сестра. Перед отъездом мы проговорили почти всю ночь, вспоминая друзей и пережитое. Обстоятельства поставили нас во время войны близко друг к другу, наши дружеские отношения выдержали многие, порой нелегкие испытания. Как бы прощаясь со мною, она сказала: «Ты поставил меня так высоко, что и сам достать не смог».

А Мария после окончания Сталинградской битвы некоторое время служила в армии, а затем вышла замуж, воспитывала детей, работала. Написала замечательную книгу о девушках на войне. Коля Козлов, вернувшись из армии, учился в МГУ, окончил там же аспирантуру, филолог, посвятил жизнь делу высшего образования. Никон почти всю войну проучился в авиашколе, а затем участвовал в боевых действиях против Японии. Встречались после войны дважды — в 61 и 62 годах. Он рано ушел в отставку по болезни. Учился на заочном в политехническом, интересовался живописью. Умер сорока трех лет.

Летом 43 года я получил из райвоенкомата извещение о том, что мой отец, гвардии красноармеец-пулеметчик Смирнов Л.Т., верный воинской присяге и т.д., погиб на фронте 28 июля 1942 года. На самом деле он был тяжело ранен, но выжил. Прошел по лагерям для военнопленных до Италии, откуда вернулся в 45 году. Он не подвергался никаким репрессиям со стороны Советской власти, всю жизнь проработал портным, перед пенсией был даже директором ателье. Естественно, мне пришлось доложить о возвращении отца из плена обкому партии, но на моей работе это, как я понимаю, не отразилось. Что касается мамы, то она практически всегда жила со мной до конца своих дней.

Так прихотливо распорядилась жизнь судьбами близких мне людей.